Сценарий для Ермоловой

Борис СОПЕЛЬНЯК

Акт I

Все началось с пирушки, или, как сейчас говорят, тусовки. Пить бы пореже господам актерам, больше слушать и меньше говорить... повнимательнее присматриваться друг к другу, как знать, быть может, и не было бы массовых арестов, мучений в Колымских и Воркутинских лагерях, болезней, смертей и ссылок. А то ведь соберутся после спектакля; пришли по стакану — и давай травить политические анекдоты. Кто-то непременно плеснет еще, войдет в образ оппозиционера, пустит пьяную слезу, обнимет ближайшего друга и заявит хорошо поставленным голосом, что Ленин и Троцкий — титаны, а все остальные — пигмеи, правда, среди них есть такие замечательные люди, как Зиновьев, Каменев и Бухарин.

— А Сталин? — поинтересуется ближайший друг.

— Что Сталин, его во время революции никто и знать-то не знал!

— А Гитлер, он тоже титан?

— Гитлер? О, Гитлер это великий человек. И вообще, фашизм покорит весь мир!

И не догадывается горе-оратор, что, обнимая друга, обнимает официального сотрудника НКВД, что уже утром отчет об этом разговоре будет лежать на Лубянке, и в голове начальника Управления НКВД по Московской области восемьсот Реденса родится план беспощадной чистки ягненьких конюшен столичных театров.

Шел 1936 год... Великая страна громыхала великими стройками, оглушала себя песнями и гимнами в честь великого вождя, вот-вот будет принята великая конституция имени великого вождя, а тут — какие-то медиатры возвышают голос и выражают сомнения в богоизбранности Сталина?! Надо их прочуять, да так, чтобы урок запомнили не только они, но и их потомки!

Так появилось следственное дело № 12690 по обвинению в антисоветской агитации артистов Театра имени Ермоловой Бармушейко (Бахтиров) Георгия Юльевича и Бонфельда (Кравинского) Евгения Анатольевича. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения говорится: «Бармушейко Г. Ю. достаточно изобличается в том, что он, являясь антисоветски настроенным, систематически ведет среди окружающих его лиц злостную контрреволюционную, троцкистскую агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства и распространяет провокационные слухи. Мерой пресечения избрать содержание под стражей».

Что касается Бонфельда, то в добавление к контрреволюционной агитации ему предъявили еще более серьезное обвинение: «В среде своих обслуживцев высказывал явно террористические настроения в отношении вождей и руководителей партии и совнаркома».

На первом же допросе Бармушейко признал, что в разговорах с обслуживцами восторгался Муссолини и Гитлером, говорил, что они талантливые руководители, выдающиеся личности и сильные люди.

— А с кем вы об этом говорили? — вкрадчиво спросил следователь.

— Разговор на эту тему помню, а вот с кем именно, забыл, — попытался увильнуть Бармушейко.

— Следствие располагает данными, что вы беседовали об этом с артистами вашего театра Николаем Лосевым и Верой Леоненко. Подтверждаете?

— Да, — сник Бармушейко.

— А какие контрреволюционные разговоры вы вели с Бонфельдом и Грудиным?

— Никаких... Хотя, припоминаю, что однажды в их присутствии Троцкого называл самой популярной личностью. Размышляя, наряду с Ленаным, — торопливо добавил он.

— Может быть, вы припомните и то, что восхвалили Каменева и Зиновьева, утверждая, что они не имеют никакого отношения к убийству Кирова?

— Нет, про Каменева и Зиновьева я ничего такого не говорил.

— Говорили, говорили... Нам это известно. А что вы заявили в связи с освобождением и приездом в СССР болгарских коммунистов Димова, Попова и Поприева?

— Я заявил... Я сказал, что Германия с этим делом прошляпила. У нас их за такие дела, как подожгрейхстага, не то чтобы не выпустили, а давно бы расстреляли.

Потом следователь взялся за Бонфельда. Доказать, что он затевал террористический акт против руководителей партии и правительства не удалось, зато следователь смог выпытать признание в том, что он восторгается идеями германского фашизма и с пониманием относится к кругу вождей немецких коммунистов Эрнста Тельмана.

— Он — враг немецких фашистов, — заявил Бонфельд. —А враг враг, если он не сдается, его уничтожают — по крайней мере так поступают в Советском Союзе. Так что фашисты поступили с Тельманом очень мягко, у нас его бы расстреляли.

Потом были допросы свидетелей, которые, конечно же, все подтвердили. Эстрадно следователь и характеристики: «Бармушейко, руководитель руководство театра нечего хорошего об арестованных артистах сказать не могло.

Вскоре дело было передано на рассмотрение небезызвестного Особого совещания, которое вынесло беспрецедентно мягкий по тем временем приговор: три года ссылки в одну из областей Казахстана.

В театре облегченно вздохнули: ссылка — это не лагерь, и тому же в Баумштейне, и Бонфельду разрешили работать по специальности. Но радость была преждевременной — не прошло и года, как на Театр имени Ермоловой взялись всерьез. На этот раз приговоры были куда более суровыми — по восемь-десять лет исправительно-трудовых лагерей. Забегая вперед, скажу, что лагерные мучения выдержали не все, несколько замечательных актеров погибло на пересылках, в тюрьмах, карцерах и бараках.

— Назовите лиц, которые разделяли ваши контрреволюционные взгляды, — потребовал следователь.

Акт II

Как известно, в архивах Лубянки ничего не пропадает, а в кабинетах ничего не забывают. Было бы желание, а подреть любое дело — раз плюнуть: и еще проще — защепиться за показания кого-то из арестованных и уже осужденных. Желание было, причем нестерпимо острое! Дело в том, что 1937-й для начальника Б-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Московской области лейтенанта Шупейко прошел досадно бесплодно — ни одного расстрела и ни одного группового дела. А отличиться хотелось, очень хотелось: нельзя же всю жизнь ходить в лейтенантах.

Шупейко нырнул в архив и наткнулся на дело Баумштейна. Показания Бонфельда и осужденных практически в то же время артистов Войдато и Дрожкина его не заинтересовали: друг друга оговаривают, а ни одного нового имени не называют. Иное дело — Баумштейн. В его показаниях упоминаются Лосев, Грудин и Вера Леоненко. Судя по протоколам, из Грудина получится прекрасный свидетель — уж очень безропотно дает компромат на своих друзей. Леоненко уже несколько лет вне театра, следовательно, ничего, кроме старых сплетен, из нее не вытянуть. Значит, Лосев...

Кто он, этот Лосев?... Шупейко запросил его анкету — и пришел в неописуемый восторг. Это же то, что надо! Сын крупного фабриканта и домовладельца, выпускник кожевенной академии и Московского университета, порчук царской армии, несколько лет провел в германском плену, мог бы служить в Красной Армии, но, соскользнув на недоразвитье, отказался. Решено, Лосева надо брать.

Так появилось дело № 6330 по обвинению Лосева Николая Константиновича. В справке на арест лейтенант Шупейко не морщил лбом пишет, что в Театре имени Ермоловой вскрыта и ликвидирована контрреволюционная фашистско-террористическая группа, одним из активных участников которой является Николай Лосев. Арестовали Лосева 30 апреля 1938 года. В тот же день — первый допрос, на котором Николай Константинович виновным себя ни в чем не признал и заявил, что никакой фашистско-террористической группы в театре нет.

Второй допрос состоялся 8 мая. Судя по дрожащей подписи под протоколом в дичайших признаниях, с ним правильно поработали палачеек дел мастера.

— Я признаю, что с первых же дней утверждения советской власти чрезвычайно враждебно относился к политике партии и правительства, а также к руководству ВКП (б) и государства. Это сблизило меня с группой контрреволюционных элементов из числа артистов театра. Признаю, что с руководителями партии и правительства отзывался болобленно, с ненавистью и применением различных оскорбительных выражений. Я выражал надежды на ресставрацию в СССР капиталистических порядков и восхвалял фашистского вождя Гитлера.

— С кем вы вели такого рода беседы? — полюбопытствовал Шупейко.

— С одним из самых активных участников нашей группы Унковским и его женой Урусовой.

— Что еще вы можете сказать об Урусовой?

— Гадкая Урусова безусловно является врагом политики советской власти и коммунистической партии, врагом советского народа. Она всегда принимала участие в наших контрреволюционных беседах и полностью их одобряла.

Нетрудно представить торжество Шупейко: на основании показаний Лосева он может арестовать еще двоих, а поработав с ними, быть может, троих или четверых. Так что группа будет! А потом — громкий процесс, который, конечно же, заметят и отметят в самых высоких кабинетах Лубянки, а может быть, и Кремля.

Эх, лейтенант, вспомнить бы тебе вокзрем старую русскую поговорку «Не хвались, едучи на ратьи», наверняка судьба твоих последственных, да и того собственная сложилась бы иначе. Но лейтенанта понесло. В течение нескольких дней он арестовывает артистов Унковского, Мишшеева, Эверта, Денич-Демидовичу, Чернышева, Радунскую и Урусову.

Дальше, как говорится, дело техники: допросы сторились так подло и изощренно, что все оговаривали всех, и в итоге складывалось впечатление, что в театре действительно существовала такая сплоченная антисоветская группа. Скажем, Борис Эверт заявлял, что Николай Чернышев в своей ненависти к советской власти дошел до такой степени, что «выражал одобрение тем террористическим актам, которые организовывались и осуществлялись троцкистами, зиновьевцами и изменниками других названий». В свою очередь, Чернышева довели до такого состояния, что он пошел еще дальше.

— Были среди нас и такие элементы, — сказал он, — которые прямо заявляли, что при первой возможности сами совершили бы убийство кого-либо из наиболее ненавистных им руководителей партии и правительства, а именно Сталина, Кагановича, Ворошилова и Ежова.

— Кто именно делал эти заявления? — вскинулся следователь.

— Унковский и Денич-Демидович.

— Вы забыли сказать, что готовность к убийству руководителей партии и правительства выражали и вы сами, — заметил урожай следователь.

Ответ Чернышева поражает своей наивностью и простодушной искренностью.

— Нет-нет, что вы... Для этого я не обладаю необходимыми волевыми качествами.

К разговору с Унковским следователь готовился загодя: что ни говорите, он не безродный встрепанный, а внук известного всей России адмирала, командира воспетого Гончаровым фрегата «Паллада». «Не знаю, какое влияние сказал на него дед, — думал Шупейко, — но представление о дворянской чести, человеческом достоинстве и корпоративности у потомка адмирала наверняка сохранилось — исходя из этого, надо строить стратегию допроса. Кулаками с него не выбьешь: соответ себя вначиком и с улыбкой пойдет на эшафот. Алот если его прижать к стене, да не своими руками, а руками друзей, он придет в недоумение, оскорбится и, конечно же, расколется. Так что лучшеть его будет фактическим, а не формальным, допросным...»

Когда Унковского привели в кабинет, Шупейко даже приистал — настолько поразил его этот красивый, гордый и сильный человек. Для проформы следователь спросил, признает ли себя Унковский виновным в контрреволюционной деятельности и получил отрицательный ответ.

— Я их не знаю.

Сейчас уже трудно установить, что здесь правда, а что ложь, тем более, что свидетелей факт знакомства с этими немцами подтвердили, но Радунская стояла на своем и признать себя шпионкой не желала. И тогда Особое совещание решило осудить ее как «социально опасный элемент» и приговорило к пяти годам исправительно-трудовых работ. Что касается ее коллег по театру, то всем им дали по восемь лет, одна лишь Урусова, которая получила десять лет ИТЛ.

Акт III

По большому счету Театр имени Ермоловой надо было закрывать: ведущие актеры в лагерях, лучшие спектакли с репертуара сняты, публика обходит прожженные стены стороной. Но руководственный руководитель театра Н. П. Хмелев понимал, что театр надо сохранить любой ценой — он каждый новые пьесы, приглашал талантливую молодежь, репетировал днем и ночью. А ведь атмосфера была препрыщивейшая! Все понимали, что их друзей посадили только потому, что кто-то на них наступал, что стукан и сейчас где-то рядом, что каждое словцо, каждая неосторожная реплика фиксируется и ложится на стол Шупейко.

Эх, знали бы ермоловцы, что бояться им нечего, что Шупейко так подчистил концы, что упек и своего информатора, а через некоторое время пришлось платить по счетам и ему самому. Дело в том, что, войдя во вкус, Шупейко настолько увлекся, что сломанных судеб ермоловцев ему было мало, и он затеял куда более грандиозный процесс над артистами Московской эстрады и цирка. По делу было арестовано 57 человек, в том числе 8 расстрелян. Не знаю, кому это не понравилось, но в 1939-м было возбуждено дело против самого Шупейко и его подручных. Закончилось оно весьма показательно: Шупейко расстрелян, в его подручных приговорили к длительным срокам заключения.

Правда, вроде бы восторжествовала, но, как я уже говорил, ермоловцы об этом не знали и знать не могли. А когда наступил 1955-й и пришло время массовых реабилитаций, оказалось, что Войдато, Мишшеев, Унковский и Грозов этого дня не дождались — они умерли в лагерях и на пересылках.

Очень важно, что почти все оставшиеся в живых вернулись к любимой работе, играли в различных театрах, а Евдокия Георгиевна Урусова долгие годы блистала на сцене своего родного театра. Неравно к навестил Евдокию Георгиевну. Она по-прежнему обаятельна, по-прежнему артистична и, хотя с трудом передвигается — дают себя знать лагерь под Хабаровском, и ссылка в Норильск, — строит планы на будущее, чем-то занята и ищет подходящую роль.

— Мне есть, что сказать людям, отчего их упрядить, каким путем посовершать ходы, — заметила она, — и хотелось бы, чтобы так говорить со зрителем, надо на это иметь право. Мне кажется, что я это право заслужила, и не только заслужила, но и выстрадала всей своей жизнью.

Судя по дрожащей подписи под протоколом в дичайших признаниях, с ним основательно поработали заплечных дел мастера.

Второй допрос состоялся 8 мая.

Рисунок Алексея ИСРЦА. Фото Андрея ЖАБИНА, Концерн «ВМ»